

ВОЧКЕМ ИЛИ ФУБУКАЙ?

Новые рассказы про Дашу и Ксюшу

ВОЛКИ ВОЮТ

Поздний вечер. За окном темным-темно! Только тусклый фонарный свет едва пробивается сквозь морозные узоры на заиндевелом окне.

Девочки сидят на подоконнике и, прикинув губами к оконному стеклу, дыханием протаивают в серебристой узорчатой наледи небольшие лунки, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь них. Но нет. Ничего не видать! Слышно только, как ветер жутковато, по-звериному завывает за окном.

— Даша, а кто это так воет?.. Волки? — спрашивает Ксюша.

— Откуда им взяться? Волкам-то... — неуверенно возражает Даша. — Что мы, в лесу, что ли? Нам в школе рассказывали, дикие животные всегда живут вдали от человека. Собаки это... Точно собаки.

— Не-е-е... Это волки! — не соглашается Ксюша. И, немного помолчав, задумчиво добавляет: — Им, наверное, там очень одиноко одним.

— Скажешь тоже! — фыркает Даша. — Одиноко...

Но Ксюша её как будто не слышит:

— И холодно, — вздыхает она, задумчиво вглядываясь в законную темноту.

— Ха! Холодно! Знаешь, какая у них шкура тёплая?

— А ещё им, наверное, кушать хочется.

— Кушать! — усмехнулась Даша. — Да они уже давно зайца какого-нибудь съели! Сидят теперь посиживают в лесу своём где-нибудь под ёлкой довольненькие.

Ксюша, нахмутив брови, искоса глянула на сестру и снова печально, подперев ладошкой щёку, вздохнула:

— Ох-хо-хо... Сиротинушки.



Рисунки Дарии Вылегжаниной.



— Причитаешь прямо как бабушка старенькая! Вот пойдёшь в лес, нападут на тебя эти сиротинушки, и останутся от тебя только рожки да ножки! Жил-был у бабушки серенький козлик... — пропела Даша и высунула язык.

Ксюша тоже высунула в ответ язык, подскочила на ноги, приподнялась на цыпочках и раскрыла настежь форточку. В комнату тут же потянуло морозной стужей.

— С ума сошла?! — заругалась на неё Даша. — Закрой сейчас же! Но Ксюша — ноль внимания. Уцепившись за оконную раму и вытянув шею, она вдруг протяжно затянула:

— У-у-у...

— Ты чего? — испугалась Даша.

Не обращая никакого внимания на сестру, Ксюша взвыла ещё громче:

— Оу-у-у...

«И на самом деле с ума сошла...» — решила Даша. Она слышала, что так иногда бывает. Живёт себе человек, живёт и вдруг — раз! — и не узнаёт никого. Или ещё того хуже — лаять начнёт, как собака. Вот и Ксюша по-волчьи завывала. Ой-ё-ёй...

В этот момент в комнату вошла мама да так и застыла. И было от чего. По комнате ветер гуляет! Холодища. А Ксюша, высунувшись в форточку, выводит на разные голоса:

— У-у-у... О-о-о... Ау-у-у... Уа-а-а...

— Мамочка, мамочка... — Даша, соскочив с подоконника, подбежала к маме. — Кажется, Ксюша сошла с ума!



— Мне тоже так кажется! — нахмурилась мама.

Ещё бы! Девочки только-только переболели, и доктор велел им беречься, ни в коем случае не застужаться. Даже гулять запретил. И тут такое безобразие!

А Ксюша так увлеклась, что даже маму не заметила. Знай себе зывает! Да ещё жалобно так:

— Оу-у-у! Оу-у-у!..

Стащив Ксюшу с подоконника, мама захлопнула форточку.

— Это как же так называется? А? Давно не болела?

— Это я, мамочка, так с волками разговариваю. А то им, знаешь, как там одиноко? И поговорить, бедным, не с кем!

— С какими ещё волками? Что ты опять выдумываешь?

— Ну как же? Ты разве не слышишь? Ты послушай, послушай, — она снова кинулась было к окну. — Вон они как воют! А может быть, они есть хотят? Можно я им хлебушка отнесу?

— Я тебе отнесу! Ей спать давно пора, а она, понимаешь ли, с волками разговоры разговаривает, — рассердилась мама.

— Не хочу я спать, — заупрямилась Ксюша.

— Это ещё что такое? А ну, марш в постель!

— Я гулять хочу!

— Ночь на дворе. Какие гулянки?

Но Ксюша не сдаётся:

— Хочу гулять!

— Гулять доктор запретил.

— Подумаешь — доктор! Вот бабушка мне всё-всё разрешает. И вообще... Мы с ней всегда и птичек кормим, и собачек бездомных. Она бы точно пошла со мной волков кормить.

Ксюша опустила голову и, помолчав, выдохнула:

— Вот уйду к ней жить...

— Ах так?! Ну и уходи, — сказала мама.

Как отрезала!

Такого поворота Ксюша точно не ожидала. Она-то надеялась, что мама испугается и сразу же начнёт её уговаривать остаться. Но мама молчала.

— Вот и уйду! — насупилась Ксюша.

— Иди, иди...

Вообще-то Ксюша добрая и ласковая девочка, но иногда бывает очень упрямой. «Прямо как баран!» — удивляется в таких случаях мама. Вот и сейчас Ксюша решила во что бы то ни стало настоять на своём. Она развернулась и решительно потопала в прихожую.

— Ой, мамочка! Ой!.. — испуганно всплеснула руками Даша. — Она, наверное, точно с ума сошла!

Было чему испугаться: на улице-то совсем темно! А если Ксюша и вправду уйдёт? А та уже и в шкаф за одеждой лезет!

Обычно одеваться ей помогала мама. У самой-то у неё пока не очень получается — мала ещё, но тут ведь к маме за помощью не обратишься... С трудом напялив шубейку, она принялась натягивать ботинки. Злится, пыхтит. Наконец — готово дело! Правда, ботинки надеты не на ту ногу. И шапка — мало того что задом наперёд, так ещё и на глаза съехала. А рукавицы — одна на резинке повисла, по полу волочится, а второй и вовсе не видать. Умора, да и только!

— Пошла я! — буркнула Ксюша, направляясь к двери.

— Иди, иди... Никто тебя не держит.

Ксюша ростиком невелика: до замка дотянуться у неё никак не получается.

— Я дверь не могу открыть.

В глубине души она надеялась, что мама её всё ж таки остановит. Может быть, поругает немножко или даже шлёпнет, ну да ничего! Не страшно.

— Быстро проси прощения! — подскочила к ней Даша.

Ксюша насупилась:

— Сама проси.

Мама же молча подошла к двери и открыла замок. Ксюше ничего не оставалось, кроме как выйти из квартиры.

Она ещё с минуту постояла в растерянности на лестничной площадке, а затем, собравшись с духом, спустилась по ступенькам и с трудом открыла дверь подъезда...

А на улице холодно. Ветер. Метель. Где-то воют собаки. Или всё-таки волки? И темно-темно! Только через дорогу, у магазина, раскачивается на ветру фонарь. Ксюша вспомнила, что там автобусная остановка. Вот туда-то ей и надо! К бабушке только на автобусе можно добраться. Она постояла ещё немножко и глубоко вздохнула:

— Темно. Волки воют... И ничуть не страшно...

Мама догнала Ксюшу уже у магазина, к которому та уверенно пробиралась прямо через сугроб.

Когда папа вернулся с работы, он первым делом заглянул в комнату к девочкам, которые уже укладывались спать. Он присел на Ксюшину кровать и, улыбаясь, спросил:

— Ну что, Миклухо-Маклай? Рассказывай.

— Какой ещё Миклухо-Маклай? — недовольно пробурчала Ксюша.

— Миклухо-Маклай — это путешественник такой известный был. Любил, понимаешь, забраться в какие-нибудь такие места, куда нога человека не ступала. Ты ведь у нас тоже путешественник? Да? И не стыдно тебе? Ну и что теперь делать будем? Очень ты маму обидела.

А Ксюша и сама понимает, что виновата. Но признаваться в этом она как не хочется!

— Просто я подумала, что волкам очень одиноко одним. Вот я и решила их навестить.

— Кого-кого? — удивился папа.

— Волков.

— Каких ещё волков?

— Да которые на улице выли! Ты разве не слышал?

— Нет.

— А мне их так жалко стало, папочка. Так жалко! Как они там одни? Это только собачкам хорошо. Вон Дружок у бабули! Она его и кормит, и поит, и даже старое тёплое одеяло ему в будку постелила. А волки? Воют под забором от холода и голода!

— Да-а-а, Ксюша... Никакой ты, оказывается, не Миклухо-Маклай!

— А кто же?

— Ганс Христиан Андерсен! Вот ты кто.

— Почему это?

— Потому что сказочница! — рассмеялся папа. — Дуй к маме! Проси прощения.

Ксюша тоже засмеялась:

— Дую!

Как же это всё-таки приятно — мириться!..

Уткнувшись носом в мамино плечо, Ксюша засыпает. В комнате тихо. Только слышно, как тикают на стене старые бабушкины часы: тик-так, тик-так... Да гуляет за окном вьюга.

— Волки воют... — сонно бормочет Ксюша, слыша сквозь дрему многоголосое завывание ветра.

Она теснее прижимается к маме, крепко обнимая её за шею.

Волки... Как они там?

Одни...



ФРОСЯ

Девочки заболели. Накануне они целый день мерили лужи во дворе. Лужи большущие-пребольшущие! Глубокие-преглубокие! Такие глубокие, что Даша и Ксюша, конечно же, начерпали себе полные сапоги воды. Хол-л-лодной! Бр-р-р!.. А ночью у них поднялась температура. У обеих сразу.



— Зато никому не обидно! — успокоила сестру Ксюша.

— Да уж... — расстроилась Даша. — Не обидно... Скажешь тоже! А как же зоопарк?

В это воскресенье родители обещали сводить девочек в зоопарк. И вот теперь, к сожалению, их поход откладывался. «До полного и окончательного выздоровления», как сказал папа, раздавая им градусники. Вот так!

А утром пришла строгая тётя в очках и белом халате. Сначала она прикладывала к их спинам холодную металлическую «слушалку».

— Дыши... — говорила она Ксюше, хмуря брови. — Глубже! Глубже дыши.

И Ксюша дышала. Так дышала, что у неё даже голова немного закружилась.

— Не дыши!

Ксюша, выпучив глаза, замирала. Вот ведь мучение!

Потом тётя-врач внимательно разглядывала что-то у девочек в горле, глубоко пихая туда ложку. Ужас как противно! Затем что-то долго писала в тетрадке и, уходя, грозно сказала:

— О-эр-ви!

После её ухода мама подошла к девочкам:

— Ну что, будем лечиться. Видите, сколько вам доктор лекарств выписала?

Девочки вздыхают. Они зимой уже болели этой самой «оэрви». И поэтому очень хорошо знали, что это значит — лечиться. Опять горькие таблетки пить, микстуры, горло полоскать солью с содой. Фу-у-у!

У Ксюши очень болит горло — даже глотать больно, а у Даши совсем нос не дышит. И очень жарко. Это потому, что температура высокая. А ещё мама всё время пристаёт: заставляет пить то чай горячий с вареньем, то молоко с мёдом. Это та самая строгая тётя-врач сказала: «Обильное питьё!»

«Что это за слово такое — “обильное”? — недоумевает Ксюша. — Неприятное какое-то слово».

Весь день девочки хныкали и капризничали, не желая лечиться. Совсем маму замучили. А вечером пришёл с работы папа. Улыбаясь и держа в руках небольшую картонную коробку из-под обуви, он заглянул в детскую.

— Ну-у-у... У вас тут прямо лазарет! Признавайтесь, пили таблетки? Горло полоскали?

— Да! Да! — Сестрёнки не спускали глаз с загадочной коробки, в которой что-то шуршало.

— А вот мама жалуется на вас. Говорит, совсем лечиться не хотите.

— Мы больше так не будем, не будем! — Они уже беспокоиться начали, как бы папа коробку назад не унёс.

— Ну, если вы обещаете больше не капризничать и слушаться маму, тогда... — папа хитро прищурился.

— Что тогда?! Ну что?! — сестрёнки в нетерпении подпрыгивали на кровати.

— Я вам зоопарк обещал? Обещал. Ну вот... Получите и распишитесь!

Папа приоткрыл крышку. В коробке сидела... черепаха! Настоящая. Живая.

— Ой! Черепаха! Черепаха! — Ксюша захлопала в ладоши.

— Черепашечка моя. — Даша осторожно взяла черепаху в руки и прижала к груди.

— А как её зовут? — поинтересовалась Ксюша.

— Её зовут Фрося.

— Ой! Фрося! Фрося! — обрадовалась Ксюша.

Очень ей это имя понравилось!

Черепаха, однако, ответной радости не выказывала. Она спряталась, втянув под панцирь лапки и голову. Ксюша тут же принялась выковыривать её оттуда пальцем. Но Даша быстро пресекла это безобразие:

— Не мучь бедное животное! Видишь — человек боится. А ты в неё ещё пальцем своим тыкаешь.

Так в доме у девочек появился новый жилец. И жилец, как оказалось, весьма беспокойный.

По ночам Фрося чем-то шуршала в своей коробке и громко скреблась, мешая спать. А днём её выпускали на прогулку. Правда, после этого черепаху приходилось искать по всей квартире — очень уж она любила забираться под диваны, шкафы и тумбочки, откуда девочки выуживали её шваброй, заодно выгребая и свои давно потерянные вещички.

— Ой, мой мячик! — радовалась всякий раз Даша неожиданной находке.

— Ура! Карандашик! — верещала довольная Ксюша.

Как-то раз Фрося даже умудрилась залезть в мамин сапог. Вот мама-то напугалась, когда стала обуваться!

А в коробке Фрося совсем не любила сидеть и всякий раз норовила наружу выбраться: встанет на задние лапки, передние на край положит — и начнёт задирать то одну, то другую по очереди.

— О! Смотрите, смотрите, балерина! — восхищалась Даша.

Фрося и впрямь в этот момент походила на балерину.

С этими заботами и хлопотами девочки даже на поправку быстрее пошли. Теперь они терпеливо переносили все необходимые процедуры и даже горькие таблетки пили почти не морщась — лишь бы с Фросечкой своей подольше поиграть.

Однажды мама ушла в магазин, оставив девочек дома одних. Ксюша, пристроившись рядом с черепашьей коробкой, принялась рисовать Фросю с натуры, а Даша взялась за книжку, которую ей подарил папа на день рождения. Это была очень толстая книжка и называлась она «Энциклопедия».

Вскоре Ксюша отложила альбом и карандаши в сторону, так как Фрося упорно отказывалась позировать, прячась в свой панцирь.

— А что ты читаешь? — спросила она у Даши.

— У-у-у! Знаешь, какая замечательная книжка? Здесь про всё-всё написано: почему кошка мурлыкает, почему птицы поют, почему заяц лягается. И про черепах тоже, знаешь, сколько интересного?! Они, оказывается, всякие-разные бывают: и сухопутные, и водоплавающие...

— Водоплавающие?! — удивилась Ксюша. — А может, наша Фрося тоже водоплавающая?

— Ну, не знаю, не знаю... — засомневалась Даша.

— Хоть бы водоплавающая... — Ксюша мечтательно закатила глаза. — А давай проверим!

— Давай!

Девочки подхватили черепаху и побежали в ванную. Там они взяли большой пластмассовый таз и наполнили его до краёв водой.



— Запускай! — Ксюша от нетерпения даже пританцовывала на месте. Даша осторожно взяла Фросю в руки. Черепаха, видимо, почуяв неладное, отчаянно заперебирала лапками в воздухе.

— А вдруг она всё-таки не водоплавающая? — опять засомневалась Даша.

— Тогда мы её спасём, — успокоила её Ксюша. — Мы ей искусственное дыхание сделаем.

— А ты умеешь?

— Конечно! Я по телевизору видела.

Очутившись в воде, Фрося, вопреки ожиданиям девочек, не поплыла, а мгновенно погрузилась на дно.

— Эх... Всё-таки сухопутная, — с сожалением вздохнула Даша, вытаскивая черепаху из воды.

— А вот и нет! — не согласилась Ксюша. — Её просто плавать никто не учил, вот она и не умеет.

Она забрала у сестры черепаху и начала водить ею по поверхности — так, чтобы голова оставалась над водой. Фрося стремительно рассекала водную гладь в тазу.

— О! Прямо как торпеда! — восхитилась Ксюша.

Но «торпедой», похоже, вся эта история совсем не нравилась. Она судорожно барахталась, а как только Ксюша её отпускала — тут же тонула.

Убедившись в отсутствии у черепахи всяких способностей к плаванию, девочки прекратили свой эксперимент.

Сидя на ковре в детской, Ксюша задумчиво смотрела на Фросю.

— А может быть, она у нас гоночная черепаха?

— Как это? — удивилась Даша.

— Ну, может быть, она умеет очень быстро бегать?

— Что-то я не заметила, чтобы она быстро бегала.

— А может быть, ей надо немножечко помочь?

— Ага! Ты её уже плавать научила!

Но Ксюша уже не слушала сестру. Она схватила черепаху и, точно заводной машинкой, пару раз, для разгона, с размаху шаркнула ею по полу.

— Ж-ж-жих! Ж-ж-жих! Поехали!

Через секунду Фрося, издав пронзительный свист, полетела в дальний угол комнаты. Вот это да! А девочки-то считали, что черепахи немые!

— Ух ты! Здорово газанула!

— Ну всё! Хватит! — рассердилась Даша. — Хватит издеваться над животным.

Она бережно взяла черепаху на руки и отнесла в коробку.

Так выяснилось, что Фрося и не водоплавающая, и не гоночная, а самая что ни на есть



обыкновенная черепаха. Но девочки всё равно очень её полюбили и возились с ней целыми днями. А когда во дворе появилась первая зелёная травка, стали брать её с собой на прогулки. Фрося очень любила листья одуванчиков, которые в изобилии росли за домом. Однажды, заболтавшись с мальчишками, сёстры не заметили, как черепаха куда-то уползла. Спohватившись, они долго носились по двору, звали её:

— Фрося! Фросенька! — кричала Ксюша, размазывая по щекам слёзы.

Но Фрося пропала...

Девочки очень переживали: вдруг черепаха замёрзнет ночью? Или умрёт с голоду? Или её раздавит машина? Однако мама их успокоила, сказав, что, скорее всего, черепаху кто-нибудь подобрал — и теперь у Фро-

си новый дом и новые хозяева, которые любят её ничуть не меньше, чем Даша и Ксюша.

Девочки поверили маме и немного успокоились. Они потом часто вспоминали свою черепаху и надеялись, что всё у неё хорошо.

И вообще, может, она в тёплые края подалась? В Африку!.. А что?! Ведь она же всё-таки сухопутная.



ВОЧКЕМ ИЛИ ФУБУКАЙ?

Даша и Ксюша сидели на старой черёмухе у бабушки в палисаднике. Высоко забрались! Ветви у черёмухи густые-прегустые. День выдался жаркий... В такое пекло только на дереве, в тенёчке, и спастись. Но сидеть просто так, без дела — скучно. Сначала девочки развлекались тем, что плевались косточками от ягод — кто дальше. Затем их внимание в качестве мишени привлёк кот Мурзик, который разлёгся прямо под деревом. Попасть в Мурзика оказалось непросто — ветки мешали. Наконец очередная косточка, запущенная Дашей, достигла цели. Кот обиженно мявкнул и спрятался под лавку.

Сестрёнки снова заскучали.

— О! А давай слова разные придумывать, — неожиданно предложила Даша.

— Давай! — охотно согласилась Ксюша.

Даша огляделась и увидела на подоконнике раскрытого кухонного окна бутылку с кетчупом.

— Во! Чупон!

— Какой ещё чупон?

— Да вот же он! — засмеялась Даша, указывая на подоконник. — Чупон!

Ксюша подумала и согласилась, что, пожалуй, чупон — это куда лучше, чем кетчуп. И наверняка вкуснее. Чупон!

А Даша продолжает:

— Фубукай!

— Фубукай? А это ещё что такое? — удивилась Ксюша.

А Даша и сама не знает. Только очень уж слово замечательное: фу-бу-кай!

— Ну-у-у... Это что-то вроде Бармалея, — быстро нашлась она.

«Вон как у неё хорошо получается слова разные придумывать!» — загрустила Ксюша.

А Даша не унимается:

— Сатюган! — И тут же поясняет:

— Это костюм такой. Модный.

Ксюша, наморщив лоб и закатив глаза, силилась придумать какое-нибудь необычное слово. И наконец выдала:

— Вочкем!

— Какой ещё вочкем? Что ещё за вочкем такой?

— Вочкем — он очень хороший! Уж лучше твоего фубукая.



— Чего это ещё — получше?! — возмутилась Даша. — Придумала вочкема какого-то. То ли дело — фубукай!

— Нет! Вочкем лучше! С ним, знаешь, как весело?

— Как это — весело? Он что, живой, что ли?

— Конечно, живой! Мы с ним гуляем вместе.

— Вруша! — Даша презрительно фыркнула.

Вечно эта Ксюшка сочиняет!

— А вот и нет! — обиделась та.

— А вот и да!

— Он очень сильный и смелый! А ещё... ещё... — Ксюша грозно нахмурилась. — Ещё у него острые зубы и когти! Вот! Будешь меня обижать — он тебя съест!

Даша от возмущения едва не свалилась с черёмухи.

— Фубукай — лучше!

— Нет, вочкем!

— Фубукай!

— Вочкем!

— Чего это вы тут раскудахтались? — Под деревом стояла бабушка. Она шла в курятник и услышала, как девочки громко ссорятся. — Вы бы ещё на крышу залезли и там ругались, чтоб всем соседям слышно было. А ну, кыш оттуда!

Девочки нехотя слезли с дерева.

— Ой-ё-ёй... — всплеснула руками бабушка, глядя на внучек. Рожицы у тех чумазые, зубы от черёмухи чёрные, а платья — все в пятнах от раздавленной ягоды. — Хороши, нечего сказать... А ну, марш умываться!

И вот — чистые и опрятные — девочки опять во дворе. Даша ковыряется в песочнице. А Ксюша прохаживается по дорожке: туда-сюда, туда-сюда... Причём ходит она как-то странно: задрав голову и вытянув перед собой руку — будто на поводке кого ведёт. И под нос себе ещё что-то нащёптывает.

Бабушка, выйдя из курятника, остановилась и с недоумением посмотрела на Ксюшу:

— Гляньте-ка на неё... Это что ещё за выверты?

— Тсс! — Ксюша прижимает палец к губам и, переложив воображаемый поводок в другую руку, показывает глазами: — Вочкем...

